

Иллюзорная беседа с Ломоносовым о годах его учения

Михаил Васильевич Ломоносов является корифеем отечественной и мировой науки. Он оказал огромное влияние на эпоху, дал своё имя целому веку, да ещё такому веку, как восемнадцатый. О великом ученом написано много, мне же захотелось поведать современной молодёжи насколько нелёгко был его жизненный путь и насколько велико было его стремление к знаниям. Используя редкие и малоизвестные литературные источники, я, как бывший студент Московского государственного университета, попытался построить воображаемую беседу с известным титаном науки.

Михайло Васильевич, уточню место Вашего появления на божий свет. Многие уверены, что это деревня Холмогоры Архангельской губернии. Ломоносов: Родился я на Курострове, который, наверное, и поныне обтекают рукава реки Северная Двина. Остров сей расположен как раз супротив города Холмогоры.

На острове было тогда деревень двадцать. Отец мой – Василий Дорофеевич Ломоносов был помором-крестьянином, потомком переселенцев из Великого Новгорода. Дом свой поставил на большой проезжей дороге за деревней Денисовка. Там у него и землицы вдоволь было.

Родился я, как сказывал отец, числа 8-го дня ноября в 1711 году, а крещен в приходской церкви. Она потом сторела, так отец мой, зажиточный и предприимчивый человек, деньги дал на постройку на том же месте каменной Дмитриевской церкви, сложенной в 1728 году.

Как звали матушку Вашу, Михайло Васильевич?

Л: Еленой Ивановной Сивковой. Рано померла. Отец после нее женат был дважды. Последняя – мачеха Ирина Корельская – ненавидела меня, особенно за любовь к книгам.

А рано освоили грамоту?

Л: Лет пяти, пожалуй. Учился сначала у соседа Ивана Шубного, а потом

приохотился ходить к дьячку Семену Сабельникову. Мне исполнилось лет двенадцать, так дьячок брал меня в церковь читать псалмы и каноны. Выходило у меня чище старых начетчиков, которые из зависти били частенько меня.

А отец-то Ваш обучал Вас своему ремеслу?

Л: А как же! Батюшка мой был добрый человек, простой и совестливый, к сиротам податливый, с соседями обходительный. Как помню его – дуже наблюдательный был. Обладал большим природным умом, хотя и грамоты не знал, а в своем промысле всегда имел успех.

Я до десяти лет сидел с бабами. А как пошел одиннадцатый, отец стал каждый год летом и осенью на промысел с собой брать, к делу сызмала приучать. Батюшка первый среди земляков выстроил на реке Двине галиот, поевропейски оснастил его, прозвав "Чайкой". На нем мы ходили и по Двине, и по Белому морю и по Северному океану добывать треску и палтосину.

Промысел сей зело был опасен. Попадали часто и в сильные бури и в густые туманы. Ловили не только рыбу, но били морского зверя – тюленей, нерп. Много мне отец и его артельщики рассказывали диковинного о повадках северных зверей и рыб, которых промыслили, о норвежцах и англичанах, к которым доводилось им плавать.

До какого возраста, Михайло Васильевич, отец держал Вас при себе?

Л: Заставила меня покинуть родной дом великая страсть к учебе. Ознакомился я поначалу у своих первых учителей-наставников с духовными книгами. Прощудировал вдоль и поперек рифмованную Псалтирь Симеона Полоцкого. Случай же свел меня с богатым крестьянином Христофором Дудиным. Он владел старинной славянской грамматикой Смотрицкого и арифметикой Магницкого. Старик до беспамятства любил эти книги и разрешал читать их только у себя в избе. Арифметика оказалась для меня самой занятной. В ней, окромя самой арифметики, говорилось о физике, геометрии, астрономии, географии, навигации... И так живо излагались сии предметы, что без учителя все было понятно.

Хотел я пойти поначалу учиться в славяно-латинскую школу, которая была при Холмогорском архиерейском доме архиепископа Варнавы, а там мне сказали: тебе, отрок, здесь не положено быть. Не берем в ученики из крестьян, обложенных подушным окладом. В расстройстве стал я умолять батюшку отпустить меня в Москву, на колени перед ним пал.

В то время наши поморы торговали с Москвой, жил в белокаменной и земляк – приказчик Яков Пятухин, который мотался по торговым делам от Холмогор к стольному граду.

Потомки в книгах о Вас пишут, что Вы тайно, без ведома отца, бежали из дома. Взяли паспорт у управляющего земскими делами в Холмо-

горах Ивана Васильевича Милюкова, выпросили у соседа Шубного тулуп, три рубля денег и ночью скрылись из отчего гнезда.

Л: Нет, милейший! Не так все было. Загляни в волостную книгу Курострова: "1730 года, декабря 7-го дня, отпущен Михайло Васильев Ломоносов к Москве и к морю до сентября месяца пребудущего 1731 года, а порукою по нем в платеже подушных денег Иван Банев расписался". Я от отца благословение на отъезд получил. Показал ему паспорт, выправленный воеводой Холмогорской канцелярией Григорием Воробьевым.

И долг был Ваш путь в престольную?

Л: Ехал я с рыбным обозом. По пути на несколько дней задержался в Антониевском Сийском монастыре – послужил псаломщиком у настоятеля. В Москву въехал в самом начале января 1731 года и остановился у подъячего Сысного Приказа Ивана Дутикова. Недели три по совету знающих людей посещал Навигацкую морскую школу, а потом, бросив сие дело, подал прошение архимандриту Заиконоспасского монастыря владыке Герману с просьбой принять меня в Славяногреколатинскую Академию, что была при его монастыре. Владыка Герман приказал учинить мне допрос – дворянский ли я сын из города Холмогор? Грешно признаваться, но лукавил я, а потому и удачно был принят на желанную учебу.

Чему обучала тогда эта Академия?

Л: В ней было восемь классов: четыре низших, два средних и два высших. В четырех низших учили прежде читать и писать по-латыни. Учили там же славянскому языку, географии, истории, катехизису и арифметике. В последнем низшем классе все ученики должны были уже говорить по-латыни. Латынь нужна была для изучения всех тогдашних наук.

Знания учеников вначале проверяли аудиторы – прилежные ученики, а уж потом строго спрашивал учитель. Ленивых хлестали розгами. Мне же доставались не наказания, а токмо хвалы за учебу. В средних классах толковали пиитику и риторику, что мне особливо было по душе. В двух высших классах ученики корпели над философией и богословием. После них наступал конец учебы – ученики делались студентами, становясь учеными богословами.

Михайло Васильевич, довольны ли Вы остались Академией?

Л: Низшие классы я прошел быстро – первые три в один год. Через год я мог уже писать небольшие стихи по-латыни. Но, овладев латынью, я предался унынию, так как точным наукам, к которым я вождедел, в духовной Академии не учили. В свободные от занятий часы я рылся в монастырской библиотеке и нашел там малость недуховных книг. Удрученно размышляя о своей судьбе в Спасской Академии: отца оставил, будучи единственным

его наследником. Батюшка не жаловал меня деньгою. Получал я при учебе один алтын в день жалования. При том нельзя было иметь на пропитание в день больше, как на денежку кваса и на денежку хлеба, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды.

Досталось и унижений от школьников – малых ребят. Мне-то было двадцать лет. Кричали иные сорванцы: "Смотрите, какой детинушка болван пришел к нам латине учиться!" Таким образом жил я пять лет и наук не оставил.

Припоминаете ли Вы казус с Вашим прошением в экспедицию И.К. Кириллова в 1734 году, когда Вы учились в классе риторики?

Л (смущенно): Да, опростоволосился я тогда. Кириллову правительство повелело основать на реке Оре город Оренбург, закрепить за Россией киргизкайсацкие степи, торговлю оживить с местным народцем. Нужен был экспедиции платный священник, но в московской епархии ехать в дальнюю сторону желающих людей не нашлось, и Кириллов попросил владыку Германа назначить священником кого-нибудь из учеников старших классов. Вызвался я. Опять учинили надо мной допрос в канцелярии Академии. Я же твердо изрек: "Отец мой – поп Василий Дорофеев, служит в церкви Введения пресвятыя Богородицы в Холмогорах и что не положен он в подушной оклад". В канцелярии писарь-дьячок исправно вел протокол сему допросу и заставил меня подписаться под фразой: "а буде Ломоносов в сем допросе сказал что ложно, и священного чина будет лишен, и пострижен, и сослан в жестокое подначальство в дальний монастырь".

И что же, неужто грянул гром?

Л: Э-хе-хе! Ушлые люди сидели в Камор-Коллегии. При проверке вновь меня потащили на допрос. Дрогнул я и, осенив себя крестным знамением, чистосердечно признался в лукавстве, рассказав всю правду о себе, что, де я сын дворцового крестьянина положен в подушный оклад, что истинно пожелал самоохотно ехать в экспедицию, сказавшись поповичем, сделав сие от простоты своей, не надеясь в том видеть причины и препятствия к произведению в священство и что желаю я всей душою по-прежнему учиться в оной Академии. Видит Бог, пожалели меня. В священника, разумеется, как крестьянина, не посветили, но оставили учиться в Академии.

В конце 1734 года Вы перешли в последний класс Академии – класс философии. Что ожидало Вас позже?

Л: Я долго ходил к владыке Герману, просил его послать меня на год в Киевскую Духовную Академию, славившуюся тогда своими учеными силами. Я надеялся укрепить свои познания математикой и физикой, но, увы, оным там не учили и я вернулся до срока в Москву. А в конце 1735 года выпал мне по Божьей воле счастливый случай.

Первое отступление от беседы

В 1720 г. император Петр Великий задумал основать в Петербурге Академию Наук по своеобразному плану: по замыслу Петра I Академии надлежало быть одновременно и научным, и учебным учреждением и заключать в себе: среднюю школу – гимназию, высшую – университет и собственно Академию Наук, то есть высшее ученое общество. За полным отсутствием в то время ученых в России, их пришлось приглашать из-за границы, в чем большое участие принимал германский философ и профессор Христиан Вольф (1679–1754 гг.), которого лично знал Петр Великий.

Вольф весьма добросовестно выполнил возложенную на него миссию. Приглашенные по его предложению академики были выдающимися учеными, которые своими трудами (особенно по высшей математике) создали Петербургской Академии Наук прекрасную репутацию. Эти академики, как и позднейшие, назывались профессорами и должны были кроме занятий своими дисциплинами, читать лекции в Университете.

Императрица Екатерина I принимала большое участие в делах Академии и жаловала академиков. После же вступления на престол Петра II (1727 г.) весь двор переехал в Москву и для Академии наступили тяжелые дни: гимназия почти совершенно лишилась учеников, переселившихся вместе с родителями в Москву; возникли и денежные затруднения – Академия по целым годам не получала следуемых ей денег и наделала уйму долгов, вызванных учреждением ею академической типографии, переплетной, мастерской для резьбы на камнях, гравировальни и прочих служб. Наконец, Академия не имела устава и штата.

Главенствовала академическая канцелярия, которую возглавлял Иоганн-Даниил Шумахер, фактически распорядившийся всеми делами Академии. Президенты Академии пытались сделать что могли для улучшения тяжелого положения Академии. Почти каждый из них подавал проекты устава и штата, но эти проекты не утверждались свыше. В 1734 г. "главным командиром" Академии был назначен барон И.А. Корф. Но и при вступлении его в должность, несмотря на все усилия барона, дела Академии не поправлялись.

Барон Корф, однако, не опускал рук в своей настойчивой подвижнической деятельности. Он не мог мириться с тем, что студенческие скамьи университета и гимназии пустовали и 13 мая 1735 г. обратился с ходатайством в Сенат "выбрать из монастырей, гимназий и школ России достойных учеников, хорошо подготовленных для слушания лекций академических профессоров, ибо великая потребность есть во взращивании достойной смены ученых мужей в России". Этот благородный призыв был, наконец, услышан Сенатом, который предписал ректору Заиконоспасской Академии архимандриту Стефану выбрать и послать в Петербург двадцать учеников "в науках достойных". Таких нашлось однако всего двенадцать, но, по словам архи-

мандрита, "не последнего, по нашему мнению, остроумия". Среди них, разумеется, оказался и один из самых лучших – философ Михайло Ломоносов.

Михайло Васильевич, теперь понятно, какой счастливый случай выпал Вам в 1735 году.

Л: Случай-то этот обернулся для моей судьбы новыми неожиданностями. Нас, новобранцев, препроводили в Петербург 23 декабря 1735 г., а прибыли мы туда в первый день нового 1736 г. Нас без промедления зачислили в студенты Университета. Сколько было радости у меня и ликования. Сложилось, штоф крепкого распили промеж себя. Для меня и других открылся путь к дальнейшему просвещению.

Второе отступление от беседы.

Еще в предыдущем 1735 г. барон Корф тщетно отыскивал за границей для участия в академической экспедиции, исследовавшей Сибирь, химика, который в то же время знал бы металлургию и горное дело. По совету известного в то время саксонского металлурга Иоганна Фридриха Генкеля (1669–1744 гг.) во Фрейберге, Академия Наук решила послать к нему во Фрейберг для обучения химии и металлургии трех студентов, наиболее к сему подготовленных. Выбор пал на недавно приехавшего в Университет М.В. Ломоносова, Д.И. Виноградова и Г.У. Рейзера – сына горного советника.

Узнав о предстоящей отправке в Германию молодых людей, отец Рейзера сказал барону Корфу: "Им необходимо сначала ознакомиться с математикой, механикой, физикой, философией и химией, а потом уже учиться горному делу и металлургии". Это дельное указание было принято во внимание, и для прохождения этих наук, а также для изучения немецкого и французского языков было решено послать молодых людей сперва в Марбургский университет к профессору Христиану Вольфу, давшему на это свое согласие.

Кабинет министров своей резолюцией от 13 марта 1736 г. утвердил посылку трех студентов с содержанием на всех 1200 рублей в год. Причем каждому можно было тратить только 300 рублей, остальные 100 рублей на каждого должны были строго оставаться про запас. 18 августа того года М. Ломоносов, Д. Виноградов и Г. Рейзер получили инструкцию за подписью барона Корфа, в которой им предписывалось "изучать все науки теоретически и практически, а немецким и французским языками овладеть так, чтобы свободно на них изъясняться и писать. Каждые полгода присылать отчеты об учении и об израсходованных деньгах; во всех местах своего пребывания показывать пристойные нравы и совершать благопристойные поступки; наилучше же стараться в прохождении своих наук".

Михайло Васильевич, позвольте Вас поздравить, правда, через 267 лет с такой блестящей научной стажировкой!

Л: Благодарю, любезнейший. Этот шаг многого предопределил в моей судьбе. Путешествие в Марбург заняло немало времени. Корабль мог только 19 сентября прийти в Кронштадт. Оттуда из-за сильных бурь снялись с якоря лишь 23-го дня сентября и прибыли в Травемюнд 16 октября. Несколько дней наша святая троица отдыхала в Любеке, а затем на почто-вых через Гамбург, Минден и Кассель достигли мы, наконец, 3 ноября слав-ный Марбург, где нас радушно встретил почтенный профессор Христиан Вольф.

Не осложняло ли Вам начало учебы в Марбурге незнание языка?

Л: Разумеется. Латынь нас в Германии не спасла бы, а потому горячо взялись мы с Виноградовым за немецкий. Через два месяца я мог уже на нем объясняться, а вскорости изучил его в совершенстве.

Откровенно, после суровой строгости Московской духовной академии мы оказались в свободной атмосфере немецкого университета, среди студентов, празднующих свое избавление от уз гимназии. После скудного жалования, Бог мой, подумать только – 3-х копеек на день – мы в своих карманах имели рейхсталеров в 30 раз больше! Вы, любезнейший, понимаете какая открылась нам жизнь! Сами молодыми были! Таверны на каждом шагу, личики прелестных белокурых немочек. Немецкие студенты со смехом тянули нас в кутежи и попойки.

Профессор Вольф с укоризной смотрел на наши проделки. Все время напоминал господам русским студентам об их "инструкции". Мы же только через год послали в Академию Наук свои первые отчеты о научных опытах и о расходе денег. Причем, разумеется, расход указали менее настоящего. А меж тем наши долги составляли: у Виноградова – 899, у Рейзера – 414 и у меня – 613 рейхсталлеров.

Но, к чести профессоров И. Вольфа и Ю. Дуйзинга (я обучался у второго химии) они признавали, что "в пылу кутежей" мы не забрасывали наук и хорошо усваивали предметы, которые изучали. Мне особое удовольствие доставляли лекции славного профессора Вольфа по философии, физике и механике. Окромья всего изрядно преуспел я в изучении других иностранных языков и пристрастился к рисованию.

А как же Ваше покорное согласие обучаться строго по инструкции? Не грызла ли совесть?

Л: Что теперь говорить! Было мне 28 лет. Рост гренадерский, кулаки чугуновые. Я, будучи лет четырнадцати, побарывал и перетягивал в Холмогорах тридцатилетних сильных лопарей. Добропорядочный профессор Вульф! Он тогда еще не знал, что мы потратили все деньги и наделали уйму долгов. Профессор аж затрепетал от страха, когда узнал об этом.

И что же предпринял Ваш любимый учитель?

Л: Он написал длинное письмо барону Корфу о наших долгах – немцы народ бережливый. А потому он только напирал на непомерные наши долги. Из Академии пришла нам более строгая инструкция с наказом ни в коем случае не делать долгов.

Изменила ли грозная бумага Ваш "модус вивенди", Михайло Васильевич?

Л: Какой там! Коли приучили мы себя, русские, жить там на широкую ногу, так и не смогли боле отступить назад. Профессор Вольф однажды заметил нам. "Господа студенты! Скоро Вам придется покинуть Марбург и перейти к изучению металлургии и горного дела во Фрейберге у берграта Иоганна-Фридриха Генкеля. Одумайтесь!" Мы лишь криво улыбались.

Когда же Вы покинули гостеприимный Марбург?

Л: 20 июля 1739 года после пяти часов к вечеру. Сели в экипаж у дома профессора Вольфа к его явному удовольствию. Он потом на радостях послал депешу барону Корфу, в которой написал, что "из-за Виноградова ему пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновения его с разными студентами". А обо мне приписал такие слова: "А Ломоносов также еще *выкинул штуку, в которой было мало проку (!!!)*. Правда, далее в депеше говорилось: "Время свое студенты провели здесь, однако, не совсем напрасно... в особенности Ломоносов сделал успехи в науках. С ним я чаще имел случай говорить. Его манера рассуждать мне более известна... Причина же их долгов обнаруживается лишь теперь, после их отъезда. Они через меру предавались разгульной жизни и были пристрастны к женскому полу. Пока они сами были еще здесь налицо, всякий боялся сказать про них что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всех в страхе. Отъезд их освободил меня от многих хлопот".

Дело прошлое, но, чтоб Вы знали, профессор Вольф оказался весьма совестливым и обязательным человеком. Ему пришлось расплатиться со всеми Вашими кредиторами собственными деньгами, которые ему, правда, потом вернула Академия Наук.

Л: Мир не без добрых людей! Во Фрейберге нас встретил берграт Генкель по-другому. Мы приехали в этот город 25 июля 1739 года. 70-летний профессор был уже предупрежден письмом барона Корфа о нашем прибытии. Ему были, оказывается, даны очень строгие предписания: годовое содержание для каждого из нас назначено было уже по 150 рублей. Деньги эти Генкель обязан был хранить у себя и оплачивать самолично наши необходимые расходы. Мы стали получать из рук этого скряги по одному талеру в месяц. Вскоре он объявил повсюду в городе, чтобы русским студентам никто не

суживал бы деньги, так как Академия Наук уплачивать долги студентов больше не намерена. Генкель вручил новую инструкцию каждому из нас со змеиной улыбкой.

Михайло Васильевич, такой оборот дела не поставил всех Вас, как говорится, "на дыбы"?

Л: Конечно, такой исход был как ушат холодной воды на голову. Но мы приехали прежде всего учиться. Кстати, вот как отзывался о нас господин Юнкер – бывший профессор политики, морали и элоквенции Петер-бургской академии наук, изучавший во Фрейнберге в то время соляное дело по поручению русского правительства. "Я посетил русских студентов на первых лекциях Генкеля. По одежде своей они, правда, глядели неряхами, по части же указанных им наук произвели прекрасное впечатление, которое послужило мне ясным доказательством их прилежания в Марбурге. Точно также я при первых лекциях в лаборатории не мог не заметить их похвальной любознательности и желания дознаться основания вещей".

Я полагаю, что с господином Юнкером у Вас сложились дружеские отношения?

Л: Сей ученый муж сочувственно отнесся к нам, понимая, что случается порою по жизни. Я с радостью помогал профессору с переводами его отчетов по соляному делу на русский язык. Занятие сие оказалось мне знакомым. Будучи на родине подростком я изучил соляное дело на поморских солеварнях Белого моря, с которых покупал соль для отцовского промысла. Во Фрейберге я занялся попутно сочинительством стихов и од. Оду на взятие русскими войсками турецкой крепости Хотина я написал ямбами. Это было первое стихотворение такого размера на русском языке. Юнкер позже привез мою оду в Петербург. И, если приязнь сопутствовала нашим с ним отношениям, то с бергратом Генкелем все у меня складывалось не так-то просто.

В январе 1740 года меж нами произошла первая ссора. Профессор представил причиною ссоры мое нежелание заниматься в лаборатории и постоянные требования денег. Что правда, то правда. Я озлобился на своего немецкого учителя, имея ввиду и его неумелые методы преподавания и скверный, корыстолюбивый характер. Берграт, скрипя сердцем, отпускал нам положенные деньги. Всей душой чувствовал я, что недолго оставалось мне пребывать в неприветливом для меня Фрейберге.

Отступление третье и последнее от беседы

И, право, вскоре закончились годы учения М.В. Ломоносова в Германии. Однако, по собственному его признанию, полученное им образование оказалось довольно разносторонним. Он основательно изучил философию,

точные науки, о которых мечтал – математику, механику, физику, химию, а также металлургию и горное дело, которые он усвоил во Фрейберге у непокладистого Генкеля. Познакомился Михайло Васильевич и с другими естественными и гуманитарными науками.

С мая 1740 года начинается богатый происшествиями период странствий Ломоносова по Европе. За отсутствием денег Михайло Васильевич задумал обратиться прежде всего к барону Кейзерлингу – русскому посланнику в Лейпциге, которому довелось занимать когда-то пост президента Академии Наук в Петербурге. Однако, когда напористый студент Ломоносов прибыл в Лейпциг, Кейзерлинг уехал оттуда в Кассель. Ломоносов отправился за ним в Кассель, но там никто решительно не знал о пребывании уважаемого барона. Ломоносов растерялся: денег у него оставалось ничтожно мало. "Как быть?" – мучительно размышлял он. "Пора возвращаться в Россию, там хоть родные стены", – решил он. Но прежде совесть подтолкнула его заглянуть снова в Марбург. Язвительная фраза Вольфа – "Ломоносов выкинул штуку, в которой было мало проку" – не давала ему покоя. Он сразу по приезде в Марбург направился в дом умершего ранее марбургского пивовара, члена городско думы и церковного старшины Генриха Цильха. На пороге с плачем к Ломоносову бросилась дочь Цильха - Елизавета, приятной наружности двадцатилетняя женщина. 26 мая 1740 г. русский православный Михайло Ломоносов венчался в реформатской церкви на немке Елизавете Цильх. Так рухнула завеса над их связью, которую Ломоносов утаивал от окружающих. Через несколько дней успокоенная Елизавета снабдила супруга, обожаемого ею русского богатыря Михеля, некоторой суммой денег, взяв с него твердое слово, что по приезде в Россию он заберет ее к себе в Петербург.

У Ломоносова была надежда встретиться в Гааге перед возвращением на Родину с графом Головкиным – тамошним русским посланником. Поэтому он двинулся во Франкфурт-на-Майне, потом по Рейну добрался до Роттердама и попал в Гаагу. Здесь его ожидало горькое разочарование – граф, видимо наслышанный о студенческих приключениях Ломоносова, отказал ему во всякой материальной поддержке. Тогда Ломоносов поехал в Амстердам, где часто бывали русские купцы и действительно нашел там таковых из Архангельска. Земляки, однако, отсоветовали Ломоносову возвращаться домой, чтобы не подвергаться ответственности за самовольный приезд. Горемыке оставалось только вернуться в Марбург к молодой супруге. Но... на возвратном пути с ним приключилось такое, которое он сам окрестил "страшной явью".

Михайло Васильевич, настал момент услышать о сим происшествии из Ваших уст.

Л: С грустью покидал я Голландию, в которой я надеялся пополнить свои карманы. Я пересек ее границы и брел по пыльным дорогам. Порою сердо-

больные ездоки прихватывали меня на свои экипажи, давая отдохнуть моим усталым ногам. Я двигался по Пруссии, озирая ее поля со стадами пасущихся коров. Проходил мимо придорожных постоялых дворов, где выглядывали из окон пузатые трактирщики, зазывая путников завернуть к ним и отобедать за кружкой пива или бутылкой рейнского вина. Увы! Мне надо было экономить каждый грошик – ведь до Марбурга предстояло еще долго тащиться.

Ночевал я обычно в придорожных рощицах, наломав под ложе зеленых ветвей. А тут захотелось напроситься на ночевку к каким-нибудь добрым людям. Под вечер возле большой дороги, которая вела в Дюссельдорф, я увидел небольшую гостиницу под черепичной крышей. Двери строения были широко распахнуты, и из них неслось громкое пение мужских голосов. Там, видно, люди отмечали радостное событие. Меня, голодного и усталого, невольно потянуло взглянуть на это сборище, да и может поживиться за их счет. Перешагнув дверной порог, я увидел сидевших за длинным столом солдат в мундирах с глиняными кружками. Рядом с ними бражничало несколько человек в штатском платье. Рослый офицер, покручивая усы, прохаживался возле стола и, размахивая руками, дирижировал нестройным хором.

Когда он увидел мою рослую, широкоплечую фигуру, он даже рот открыл от изумления. "Почтенный путник! Какая удача! Садись к нашему столу. Эй, хозяин! Тащи еще одного жареного цыпленка и пару бутылок крепкого вина. Я тебя угощаю. Какой подарок преподнесла мне сегодня судьба!" – громогласно произнес офицер.

Меня поначалу смутило предложение офицера, посулившего бесплатное угощение. Но уж очень сосало под ложечкой. От первой кружки, да еще на голодный желудок, я слегка захмелел. Офицер словно прилип ко мне. Он заботливо подливал мне в кружку вино, пока я справлялся с цыпленком. "Я сегодня подцепил четырех храбрых парней. Наш прусский король Фридрих-Вильгельм I любит свою армию, пестует солдат, платит им отменное жалование. Ты, видать, храбрый пруссак и где тебя только носило до сих пор. Такие, как ты, на плацу стоят в первой шеренге". В голове у меня сильно шумело и я плохо воспринимал болтовню офицера. Меня так развезло, что я сполз со скамьи и свалился под стол.

Очнулся я на следующий день... в солдатской казарме. На шее у меня был повязан красный галстук. В кармане штанов, куда я запустил руку, я обнаружил несколько прусских альбертгрошей. Я беспомощно огляделся. В казарме на топчанах сидело несколько человек с повязанными как у меня красными галстуками. "Где я, приятели? Что за чертовщина – ничего не понимаю". Один, ухмыляясь, сказал мне. "Не строй из себя идиота. Ты – рекрут. Добровольно нанялся служить в прусской армии. Готовься стать отныне на много лет королевским гусаром".

От этих слов я пришел в ужас. Я понял, что попал в страшные силки и со многими мечтами жизни мне придется расстаться навсегда. "Долго ли нас будут держать здесь, любезный?" – спросил я этого рекрута. "Через пару дней отправимся в крепость Везель". Вскоре ко мне подошел офицер, коварством заманивший меня в королевскую армию. "Как тебя величать, бра-вый мин херц?" Я мрачно ответил: "Михайлой". "Странное имя". "Я – рус-ский, отпусти меня, господин офицер". "О! А ты, оказывается, шутник. Гово-ришь на отличном прусском наречии, а прикидываешься иноземцем. За тобой, мой братец, надо строго приглядывать. Побегу у нас караются жесто-ко: обрубаем нос и уши, пропускаем 40 раз сквозь строй шпицтрутенгов, а там – кандалы и тюрьма Шпандау пожизненно".

В Везеле меня оставили в крепости, хотя другие новобранцы разместились на вольных квартирах. Я спал на скамье в караульне. Каждый вечер я стар-рался ложиться как можно раньше, так, чтобы приучить себя просыпаться среди ночи. Раз ночью, проснувшись около полуночи, я заметил, что все вокруг крепко спят. Я решил немедленно бежать, пользуясь тем, что кара-ульня находилась недалеко от вала. В темноте я дополз до вала тихо, чтобы часовые, расставленные на близком расстоянии один от другого, не заметили меня. Затем спустился в ров, заполненный водой. Переплыл его без шума и вскарабкался на другой изрядно высокий вал. Опять мне пришлось преодолеть водную преграду. На пути моем оказался контр-эскарп (насыпь), которую тоже одолел. Оставался частокол, за которым простирался палисадник, а за ним – открытое поле.

Самое трудное мною было сделано. Но теперь до рассвета мне предстояло пробежать верст семь до границы, где кончалась прусская земля и начи-нались вестфальские земли. Здесь была долгожданная для меня свобода. Но, едва я преодолел четвертую часть пути, как со стороны везельской крепости грянул пушечный выстрел. Стало быть побег мой был замечен. Я напряг все свои силы. Бежал как спартанский бегун. Вскоре, обернувшись назад, я уви-дел, что из стоявшей на возвышении крепости за мною в погоню выехал конный отряд. Но он не мог меня настигнуть, ибо я был уже вблизи столбов вестфальской границы. Прусский король соблюдал суверенитет соседней Вестфалии. Ноги мои против моей воли несли меня все далее и далее от проклятых мест. Добежав до какого-то перелеска, я рухнул на землю как подрубленный.

Да, Михайло Васильевич, ужасную картину Вы выстроили передо мной. Слава Богу, спаслись не только как человек, но и как Ломоносов – наш национальный гений. А потому потомкам в назидание надо знать, как складывались судьбы у великих людей.

Л: Позвольте, милейший, я уж завершу свою немецкую одиссею. В Мар-бурге я оставался до весны 1741 года, утешая свою кроткую и беззащитную

Елизавету, занимаясь математикой и навещая Христиана Вольфа, который поразительно переменялся в отношении ко мне, узнав о моих мытарствах. Еще зимой я получил из Академии Наук предписание к возвращению и по открытии навигации один отправился в Петербург из Любека, оставив на время жену, ожидавшую ребенка*.

Удивительно, что, плывя на корабле в Россию, я как-то во сне увидел своего отца, лежавшего мертвым на необитаемом острове в Белом море, который я помнил хорошо, ибо частенько бывал на нем в отрочестве.

По прибытии 8 июня 1741 г. в Петербург, я поспешил справиться у бывших там поморов о судьбе отца. Оказалось, что действительно мой батюшка не возвратился с промысла осенью. Я был настолько убежден, что тело отца находится на этом острове, что в силу своей занятости смог только послать срочное письмо к родным с просьбой отправиться за мой счет на этот остров, чтобы отыскать тело отца и похоронить его с достоинством. И что же? Останки Василия Дорофеевича Ломоносова нашли на острове и артель поморов похоронила его.

Корреспондент: Я не стал дальше продолжать воображаемую беседу с Михайло Васильевичем Ломоносовым. В 30 лет он вернулся на родину, пробыв в далеких ученых краях только 5 лет. Почти половину своей жизни великий ученый отдал учебе, зато в последующие четверть века он одарил мир искрометными открытиями почти во всех областях знаний – химии, физике, горном деле, металлургии, минералогии, поэтическом искусстве, изобразительном творчестве...

Вечная память творениям этого величайшего русского человека.

В воображаемой беседе с М.В. Ломоносовым
принял участие выпускник
геологического факультета МГУ
Станислав Глушнев

Студент Глушнев

* 1 января 1742 г. у четы Ломоносовых родился первенец – сын Иван. Он умер через месяц. Единственным ребенком в семье оказалась дочь Елена, родившаяся в мае 1749 г.